Богданов
Либералы и социалисты

1403
141

АРХИВ
Ф.
№
Л.

Liberalismus und Socialismus.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Либералы и соціалисты.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.
1904

Либералы и соціалисты.

Много лѣтъ тому назадъ Марксъ, призывая пролетаріевъ къ борьбѣ за идеалы соціализма, указывалъ имъ, что въ этой борьбѣ они „потерять могутъ только свои цѣпи, а выиграть цѣлый міръ“. И пролетаріатъ началъ эту борьбу и ведетъ ее все энергичнѣе и послѣдовательнѣе; онъ „потерялъ“ на Западѣ уже значительную часть своихъ цѣпей и пріобрѣтаетъ все больше силы для завоеванія міра. У насъ началось то же самое и, конечно, результатъ будетъ такой же.

Но борьба тяжела; и для рабочаго класса большое счастье, что онъ не всегда одинокъ въ ней: у него бываютъ *временные союзники*. Есть цѣпи, которыя давятъ не только пролетарія, и когда онъ попытается „потерять“ именно эти цѣпи, то онъ можетъ воспользоваться содѣйствіемъ тѣхъ, кому это также желательно. Только непремѣнно онъ долженъ *знать* и *понимать* этихъ союзниковъ, не забывать о томъ, что у нихъ есть свои особенные интересы и желанія, и ясно видѣть, какіе именно; иначе возможно жестоко обмануться въ своихъ расчетахъ.

Это и случалось не разъ. Напримѣръ, въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка англійскіе пролетаріи вели сообща съ буржуазными классами борьбу за парламентское избирательное право про-

тивъ землевладѣльческой аристократіи, которая почти одна имъ пользовалась. Главную тяжесть борьбы несли, конечно, пролетаріи и съ ними мелкая буржуазія; они сливались тогда въ одно обширное демократическое теченіе; партія крупной буржуазіи — умѣренные либералы — также энергично участвовала въ борьбѣ. Но вотъ аристократія пошатнулась, рѣшила сторговаться съ крупной буржуазіей и предложила дать избирательное право ей одной. Капиталисты немедленно согласились, и не только покинули своихъ союзниковъ, но даже соединились съ ихъ врагами; а благодаря этому, прошли цѣлые десятки лѣтъ, пока пролетаріи стали политически полноправными гражданами. Во Франціи въ 48-мъ году дѣло вышло еще хуже. Тамъ была умѣренно-конституціонная монархія, которая всецѣло служила интересамъ денежной аристократіи. Противъ этого порядка возстали и буржуазные классы, и рабочіе: буржуазія больше руководила движеніемъ, пролетаріи больше проливали кровь. Монархія пала; буржуазія получила власть. Тогда пролетаріи потребовали себѣ „права на трудъ". Что сдѣлала тогда буржуазія? Она спустила на своего союзника армію и сама приняла дѣятельное участіе въ кровавомъ „усмиреніи", отъ котораго потомъ цѣлые десятки лѣтъ не могъ оправиться французскій пролетаріатъ.

Исторія рабочихъ Запада должна быть урокомъ для русскихъ пролетаріевъ. Въ наше время революціоннымъ силамъ русскаго пролетаріата приходится вести отчаянную борьбу за свободу своего развитія, борьбу противъ привиллегій дворянства и чиновничьяго самодержавія. Союзниковъ въ этой борьбѣ можно найти много: всѣмъ надоѣло,

всѣмъ ненавистно самодержавіе, и скоро, кажется, оно опротивѣетъ самому себѣ. Но все-же оно еще страшно сильно: у него есть громадная, пока еще вѣрная, армія и миріады шпіоновъ. Союзники необходимы революціонному пролетаріату; но ему надо также хорошо знать ихъ свойства, ихъ цѣли и интересы, чтобы получить отъ нихъ дѣйствительную пользу, а не оказаться только жалкой игрушкой въ ихъ рукахъ: было бы слишкомъ грустно, если бы русскій рабочій классъ оказался и въ политической борьбѣ такимъ же „предметомъ эксплуатаціи", какъ и въ обычной трудовой своей жизни.

На первый разъ остановимся на одной обширной группѣ этихъ возможныхъ союзниковъ, на такъ называемыхъ „либералахъ". Намъ надо выяснить: что такое либералы? откуда они являются и куда они идутъ? и чего отъ нихъ можно ожидать? Отвѣтить на эти вопросы не такъ-то просто, и особенно потому, что слово „либералъ" употребляется въ наше время въ очень различныхъ смыслахъ. Новсе-же постараемся разобраться во всемъ этомъ по порядку.

Лѣтъ 50-100 тому назадъ слово „либерализмъ" имѣло очень ясный и понятный смыслъ. Оно означало стремленіе освободить человѣческую личность отъ всякихъ политическихъ и гражданскихъ стѣсненій и ограниченій, которыя на ней тяготѣли. Въ большей части Европы тогда царствовали порядки, если не совсѣмъ такіе, то вродѣ такихъ, какъ у насъ въ Россіи по сіе время. Правительства на каждомъ шагу заботливо опекали гражданъ, тщательно оберегали ихъ отъ всякой „вредной мысли" и отъ всякаго „превратнаго толкова-

нія“, отъ всякой „политики“ и отъ всякаго „безпорядка“; дѣлалось это; конечно, какъ и у насъ, при помощи самыхъ отеческихъ мѣръ — плети, тюрьмы, ссылки, пуль, висѣлицы и т. д.; и въ награду за такія попеченія, правительства со своими чиновниками и помѣщики брали съ обывателя, какъ и у насъ дѣлается, столько, сколько удавалось взять — иногда шесть шкуръ, а иногда и семь. Противъ всего этого и боролись либералы, т. е. „люди свободы“: они требовали освобожденія гражданъ отъ вѣчной указки и вѣчнаго позора; они хотѣли свободы мысли, свободы слова, свободы вѣры и невѣрія, свободы для человѣка во всѣхъ дѣйствіяхъ, которыя не стѣсняютъ свободы другихъ людей. За все это боролись либералы противъ стараго порядка, и среди нихъ были всѣ лучшіе люди тѣхъ временъ, и много славныхъ страницъ героизма и мученичества дали они исторіи.

У насъ тоже были такіе либералы; ихъ было немного, но они мужественно выступали и противъ крѣпостного права, и противъ самодержавія. 14 декабря 1825 года они дали первую рѣшительную битву самодержавію; они были побѣждены, но погибли съ честью, и память о декабристахъ не умретъ среди тѣхъ, кому дорога свобода. Но ни тогда, ни послѣ у насъ въ Россіи либерализмъ не расцвѣталъ такъ пышно, какъ въ Западной Европѣ; тамъ сложилось все его ученіе.

Кто же были тѣ либералы? Въ ряды ихъ становились всѣ угнетенные; но во главѣ всего движенія шла несомнѣнно просвѣщенная, интеллигентная буржуазія — ученые, писатели, адвокаты, образованные капиталисты. Старый порядокъ лежалъ на нихъ тяжелымъ гнетомъ, хоть и меньше, чѣмъ

на простомъ народѣ; всѣмъ заправляли чиновники и дворяне, на каждомъ шагу, ради своихъ выгодъ ставили имъ препятствія въ ихъ экономической дѣятельности и дѣлали обиды въ частной жизни; а крѣпостное право, гдѣ оно сохранилось цѣликомъ или отчасти, мѣшало буржуазіи находить для расширенія своихъ предпріятій достаточно подходящаго рабочаго матеріала, потому что настоящимъ наемнымъ работникомъ можетъ быть только свободный человѣкъ, неприкрѣпленный къ землѣ или помѣщику. Все это заставляло буржуазію стать на сторону освободительныхъ стремленій; а такъ какъ она была самымъ сильнымъ и образованнымъ изъ угнетенныхъ классовъ, то понятно, что либерализмъ энергично стоялъ за полную „экономическую свободу". „Экономическая свобода" означаетъ, что государство не должно никакими способами вмѣшиваться въ экономическую борьбу интересовъ: не должно ни поощрять, ни стѣснять промышленность и торговлю, не должно вмѣшиваться въ договоръ найма между капиталистами и рабочими, не должно заботиться объ условіяхъ труда, запрещать чрезмѣрную работу, трудъ дѣтей, устанавливать рабочее время закономъ и т. д. Либерализмъ училъ, что полная свобода конкурренціи всего выгоднѣе для всѣхъ: если экономическая борьба будетъ происходить безъ всякихъ стѣсненій, то каждый всего лучше сумѣетъ отстаивать свою собственную пользу, а такимъ способомъ получится и наибольшая польза для всѣхъ. Съ тѣхъ поръ давно стало ясно, что это далеко не такъ, что свободная борьба интересовъ означаетъ свободную эксплуатацію слабыхъ сильными, что голодному невозможно отстоять свои интересы противъ сытаго;

стало ясно, что „свободный договоръ“ капиталиста съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ приводитъ къ жестокому рабству работника, и что поэтому кромѣ несправедливыхъ стѣсненій свободы капитала могутъ быть также справедливыя и даже необходимыя — именно, защита рабочихъ закономъ. Но буржуазіи было выгодно ученіе объ экономической свободѣ: она чувствовала свою силу и могла никого не бояться въ свободной экономической борьбѣ; а всякое стѣсненіе эксплуатаціи было нежелательно для капитала. И большинство мыслящихъ людей соглашалось съ этимъ буржуазнымъ ученіемъ, потому что отъ всякихъ „заботъ“ государства о дѣятельности гражданъ оно привыкло видѣть только вредъ; а всѣ ужасы „свободной“ эксплуатаціи пролетаріевъ капиталомъ развернулись какъ слѣдуетъ только позже.

Отстаивая экономическую свободу, либералы доходили до того, что запрещали закономъ союзы и стачки рабочихъ, какъ они сдѣлали это, напр., во Франціи въ началѣ Великой революціи (закономъ Шапелье); либералы думали, что союзы и стачки стѣсняютъ свободу каждаго отдѣльнаго рабочаго и предпринимателя въ заключеніи ихъ договора. Такъ уже тогда свобода оказывалась нерѣдко прикрытіемъ для чисто буржуазныхъ интересовъ. И всетаки либерализмъ, въ цѣломъ, былъ великимъ освободительнымъ движеніемъ и сдѣлалъ очень много для человѣчества въ борьбѣ противъ рабства и произвола.

Такъ было въ тѣ времена, но многое послѣ того измѣнилось, и прежняго либерализма теперь нѣтъ. Онъ распался. Частью онъ уже сдѣлалъ свое дѣло: покончилъ почти вездѣ съ крѣпостнымъ

правомъ, а во многихъ странахъ — съ деспотизмомъ. Во многомъ, однако, дѣло освобожденія осталось еще не законченнымъ; только теперь уже не либералы стали его главными работниками: ихъ смѣнили демократы, а впереди демократовъ идутъ соціалисты — тѣ и другіе представители наиболѣе угнетенныхъ классовъ, которые прежде шли за буржуазіей и поддерживали либерализмъ[1]). Въ самой буржуазіи возникли новыя рѣзкія столкновенія интересовъ; а идеалъ „экономической свободы" оказался даже для нея во многихъ случаяхъ непригоднымъ. Даже деспотизмъ, гдѣ онъ есть, измѣнился и старается всѣми способами привлечь къ себѣ, по крайней мѣрѣ, верхніе слои буржуазіи. Либерализмъ не могъ остаться въ прежнемъ видѣ, а принялъ много новыхъ видовъ; онъ разбился на партіи и группы съ очень различными стремленіями и идеями; единаго либеральнаго ученія уже нѣтъ.

Теперь намъ надо говорить спеціально о русскихъ либералахъ, которые теперь одни для насъ важны, потому что могутъ оказаться нашими союзниками. И вотъ, мы не можемъ сказать о нихъ, какъ о старыхъ либералахъ: это люди, признаю-

[1]) Авторъ черезчуръ рѣзко отграничиваетъ такъ называемыхъ демократовъ отъ либераловъ и совершенно напрасно ставитъ ихъ рядомъ съ соціалистами. Современные „демократы" на Западѣ представляютъ собою не болѣе, какъ разновидность, лѣвое крыло либераловъ, съ которыми они идутъ рука объ руку *противъ* соціальдемократовъ, являющихся въ настоящее время единственными серьезными борцами за народную свободу. Въ Швейцарской республикѣ господствуетъ буржуазная демократія; но послѣдняя такъ же ревниво оберегаетъ всѣ тѣ законы и государственныя учрежденія, которыя ограничиваютъ права народа, какъ и умѣренные либералы. Прим. Ред.

щіе такое-то ученіе и ведущіе борьбу за такія-то требованія; а выходятъ они изъ такихъ- то классовъ, къ которымъ они принадлежатъ, съ такими-то интересами. Нѣтъ, чтобы сколько нибудь разобраться въ теперешнихъ либералахъ, надо начинать прямо съ тѣхъ классовъ, къ которымъ они принадлежатъ, и съ ихъ ближайшихъ интересовъ; а потомъ уже можно будетъ понять и ихъ различные взгляды и программы.

Одна часть нашихъ либераловъ принадлежитъ къ различнымъ классамъ буржуазныхъ собственниковъ; таковы просвѣщенные помѣщики — земцы, таковы многіе, по-европейски мыслящіе, фабриканты, купцы, банкиры, домовладѣльцы и т. д. Всѣ они, и при современномъ политическомъ строѣ, живутъ, въ сущности, очень недурно; но все-же имѣютъ и различныя серьезныя основанія быть недовольными самодержавіемъ чиновничества, и желать иныхъ, болѣе свободныхъ порядковъ. Просвѣщенный помѣщикъ хотѣлъ бы, напр., завести у себя хорошее, правильное капиталистическое хозяйство, на западный манеръ, хозяйство съ усовершенствованіями; и что же оказывается? Правительство раззоряетъ крестьянъ налогами и податями и держитъ ихъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, такъ что крестьяне совсѣмъ не годятся въ капиталистическіе фермеры и даже мало годятся въ работники при машинахъ, гдѣ непремѣнно требуется нѣкоторая интеллигентность; а сельско-хозяйственныя машины оно облагаетъ высокими пошлинами, что дѣлаетъ эти машины слишкомъ дорогими. И не только это возмущаетъ либеральнаго помѣщика: онъ не можетъ безъ негодованія видѣть власть и произволъ чиновниковъ; онъ находитъ, что самъ го-

раздо лучше заправлялъ бы общественными дѣлами, а у него отнимаютъ остатки земскаго самоуправленія. Образованный фабрикантъ, купецъ недовольны правительственной опекой вообще; они сознаютъ свою силу и полагаютъ, что имъ давно пора взять въ свои руки управленіе дѣлами страны, а имъ не даютъ этого; къ тому же, какъ ни нѣжно заботится правителство о капиталистахъ, но угодить на нихъ не умѣетъ, да это зачастую невозможно; напр., каждый капиталистъ не прочь, чтобы были наложены пошлины на тѣ товары, которые онъ производитъ, — это ему выгодно, потому что повышаетъ ихъ цѣну и спасаетъ его отъ конкурренціи западныхъ капиталистовъ; но онъ не хочетъ, чтобы налагались пошлины на тѣ товары, которые онъ покупаетъ, — это ужъ ему невыгодно. Вводятъ большую пошлину на желѣзо; желѣзозаводчикъ доволенъ, но можетъ оказаться недоволенъ фабрикантъ машинъ, которому приходится дорого покупать необходимый матеріалъ — желѣзо; вводятъ пошлину на машины — машиностроитель доволенъ, но раздражены и желѣзозаводчики и всѣ прочіе фабриканты, которымъ приходится дорого платить за необходимыя орудія — машины; а многіе просвѣщенные купцы полагаютъ, что вообще большая часть этихъ пошлинъ приноситъ только вредъ, стѣсняя торговлю.

Таково происхожденіе одной части либераловъ: изъ недовольныхъ собственниковъ образуется главнымъ образомъ умѣренное или „правое“ крыло нашего либеральнаго теченія.

Другое крыло либерализма, болѣе прогрессивное, составляется по преимуществу изъ такъ называемой буржуазной интеллигенціи; тутъ много

адвокатовъ, врачей, инженеровъ, земскихъ служащихъ, часть образованныхъ чиновниковъ; но все это верхи интеллигенціи, та ея часть, которая если и не имѣетъ большой собственности, то все же недурно пристроилась въ жизни и обладаетъ, по крайней мѣрѣ, порядочными доходами; это не та мелкая разночинная интеллигенція, которая ведетъ пролетарскую или почти пролетарскую жизнь, перебиваясь со дня на день, а та, которая занимаетъ солидное общественное положеніе. У нея, однако, есть много основаній возмущаться существующими порядками. Напр., адвокаты, литераторы, профессора недовольны стѣсненіями свободы слова, свободы печати, свободы преподаванія, затрудняющими ихъ дѣятельность; сознавая себя умными и развитыми людьми, они не могутъ безъ негодованія видѣть могущество бюрократіи, среди которой такъ рѣдко встрѣчаются теперь умъ и дарованія, они мечтаютъ о томъ выдающемся общественномъ и политическомъ значеніи, которое они получили бы въ конституціонномъ государствѣ. Тѣ же мысли приходятъ въ голову и инженеру, и директору частнаго предпріятія, и крупному торговому агенту; имъ случается очень часто „по дѣламъ“ сталкиваться съ чиновниками, видѣть постоянное вмѣшательство полиціи и другихъ властей во все, что на самомъ дѣлѣ ихъ не касается, но можетъ принести взятку или похвалу отъ начальства за „распорядительность“ и т. д. и т. д. Точно также приходится видѣть все это и даже испытывать на себѣ крупному земскому служащему; ему вмѣшательство чиновниковъ вѣчно тормозитъ и портитъ всякую работу, и на каждомъ шагу угрожаетъ потерей мѣста за „неблагонадежность“.

То же угрожаетъ и просвѣщенному чиновнику, который позволяетъ себѣ видѣть дальше носа своего начальства; а между тѣмъ сердце его сжимается при видѣ того, какъ на службѣ царствуетъ взятка и протекція, какъ не цѣнятся его собственныя заслуги, и какъ вся политика правительства, грубая и недальновидная, ведетъ всю націю къ какому-то ужасному крушенію.

Существуетъ еще много подобныхъ причинъ, которыя заставляютъ даже наиболѣе благополучную и состоятельную часть интеллигенціи возмущаться и негодовать и желать перемѣнъ въ политической жизни.

Теперь мы знаемъ обѣ главныя группы нашихъ либераловъ, знаемъ, изъ какихъ классовъ общества они происходятъ, и намъ уже не такъ трудно будетъ выяснить, чего они хотятъ и куда стремятся, вообще, какова ихъ практическая программа. Основной смыслъ этой программы ясенъ самъ собой: хотя либералы, въ общемъ, и обладаютъ разными благами жизни, но имъ не даютъ какъ слѣдуетъ пользоваться этими благами и стѣсняютъ въ стремленіи достигнуть еще болѣе значительныхъ; словомъ, либералы находятъ, что у нихъ мало свободы, и желаютъ отмѣны самодержавія; въ этомъ всѣ они сходятся, но во всемъ дальнѣйшемъ у нихъ большое разнообразіе взглядовъ.

Дѣло въ томъ, что для массы нынѣшнихъ либераловъ свобода не есть единственный богъ; они смотрятъ на нее очень практически и примѣриваютъ ее къ своимъ ближайшимъ интересамъ. Таковы особенно умѣренные — либералы-собственники. Они согласны съ остальными либералами въ томъ, что необходима свобода личности, свобода совѣсти,

свобода слова, свобода печати; но относительно нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ „свободъ“ они не прочь сдѣлать ограниченія, побольше или поменьше, кто какъ, смотря по степени либеральнаго настроенія; большинство изъ нихъ сойдется, напр., на томъ, что *полная* свобода слова и печати опасна, такъ какъ она на-руку революціонерамъ, помогаетъ имъ увлекать массы и „разнуздывать страсти“; а умѣренные либералы, по ихъ собственнымъ словамъ, „прежде всего не революціонеры“. Особенно сомнительна для этихъ либераловъ свобода союзовъ и стачекъ. До извѣстной степени они должны признать необходимость такой свободы: союзы нужны и имъ самимъ для собственной политической организаціи, а запрещеніе стачекъ при современномъ развитіи промышленности стало просто невозможной нелѣпостью, приводящей только къ жестокимъ и кровавымъ столкновеніямъ. Но буржуазія не забываетъ и того, что, напр., рабочіе союзы, политическіе и экономическіе, устраиваются для борьбы съ нею же, и что противъ нея же направляются обыкновенно стачки; поэтому буржуазные либералы очень не прочь отъ того, чтобы свобода союзовъ и стачекъ была для низшихъ классовъ поменьше, и только для нихъ самихъ побольше.

Идея полной экономической свободы въ наше время уже настолько опровергнута самой жизнью, оказалась настолько неосуществимой и несообразной тамъ, гдѣ дѣло касается договоровъ рабочихъ съ капиталистами, что даже самые буржуазные либералы, за исключеніемъ немногихъ, не рѣшаются ее отстаивать. Но тамъ, гдѣ дѣло касается законодательства въ пользу рабочихъ, фабричныхъ и

земледѣльческихъ, тамъ, конечно, нельзя ожидать, чтобы либеральная буржуазія, помѣщики и капиталисты, могли забыть о своихъ прямыхъ интересахъ, о томъ, что именно противъ нихъ направлены такіе законы; либеральная буржуазія согласится здѣсь, конечно, на такія уступки, которыя стали совершенно необходимы, благодаря экономическому развитію и возрастающей силѣ рабочаго класса; но нечего и думать, чтобы они согласились дать больше этого, — скорѣе ужъ можно ожидать различныхъ урѣзокъ и противодѣйствія.

Основной вопросъ политической программы для всѣхъ партій, это вопросъ о государственномъ устройствѣ; и вотъ здѣсь-то особенно сказывается умѣренность либераловъ-собственниковъ. Они стоятъ за конституціонную монархію, но такую, которая была бы для нихъ наиболѣе выгодна. Они хотятъ сохранить значительную власть за царемъ и его чиновниками: по ихъ мнѣнію „сильная власть“ необходима для поддержанія „порядка“, т. е., въ сущности, для энергичнаго обузданія низшихъ классовъ. Имъ не нравится даже мысль о томъ, чтобы царская власть была подчинена народному парламенту, т. е. такому, представители въ который выбираются одинаково и свободно гражданами всѣхъ классовъ и сословій безъ различія. Имъ кажется гораздо болѣе подходящимъ *цензовый* парламентъ, т. е. такой, который избирается не всѣми, а только избранными гражданами; и они предпочитаютъ именно имущественный цензъ, т. е. такой, при которомъ избирательное право принадлежитъ только владѣльцамъ извѣстныхъ размѣровъ собственности или извѣстныхъ размѣровъ дохода. Понятно, что такой парламентъ прекрасно

выполнилъ бы все, что въ интересахъ собственниковъ, но и только; для рабочихъ онъ сдѣлалъ бы крайне мало; для народа это было бы въ общемъ нѣсколько лучше самодержавія, но за то противъ него дружно стояли бы не только царь съ чиновничествомъ и непосредственные эксплуататоры трудящихся классовъ, но и другіе, примирившіеся съ правительствомъ, слои бружуазіи.

Такіе же точно порядки желательны для либераловъ собственниковъ и въ мѣстномъ управленіи. Напримѣръ, наши земства и думы всѣ построены на имущественномъ цензѣ, и очень высокомъ; и что же? когда заходитъ рѣчь о расширеніи круга ихъ избирателей, то самыя крайнія предложенія со стороны земскихъ и думскихъ либераловъ сводятся только къ тому, чтобы нѣсколько понизить этотъ цензъ, т. е. допустить къ выборамъ еще нѣкоторыхъ собственниковъ.

Такова одна часть нашихъ либераловъ. Есть между ними, конечно, много различныхъ оттѣнковъ, болѣе умѣренныхъ и менѣе умѣренныхъ, болѣе эгоистичныхъ и менѣе эгоистичныхъ; но въ общемъ у нихъ всѣхъ стремленія таковы, что народу надежда на нихъ плохая; а ужъ особенно мало могутъ разсчитывать на либераловъ собственниковъ соціалисты пролетаріи.

Что касается до тѣхъ либераловъ, которые принадлежатъ къ верхамъ интеллигенціи, то эти въ большинствѣ настроены гораздо прогрессивнѣе. Для нихъ не страшна большая свобода слова и печати: скорѣе они могутъ считать ее самымъ благопріятнымъ условіемъ для своей собственной дѣятельности и для своего собственнаго развитія. И нечего также особенно бояться свободы союзовъ и

стачекъ, потому что то и другое обыкновенно не можетъ прямо повредить имъ — вѣдь, не противъ нихъ же затѣваются рабочіе союзы и стачки; а польза отъ свободы союзовъ и для нихъ большая, такъ какъ и имъ надо объединяться, чтобы пріобрѣсти общественную и политическую силу. Экономическая свобода интересуетъ либерала-интеллигента развѣ только съ той стороны, что онъ, какъ потребитель разныхъ товаровъ, не желаетъ, чтобы цѣну ихъ повышали большими пошлинами и акцизами, и потому стоитъ обыкновенно за „свободную торговлю“; но въ вопросѣ о рабочемъ законодательствѣ онъ чаще всего не противъ законовъ въ пользу рабочихъ, а нерѣдко даже, наоборотъ, горячо поддерживаетъ ихъ: его самого эти законы ничѣмъ стѣснить не могутъ, хотя бы даже они дошли до восьми часового рабочаго дня, а поддерживая ихъ, либералъ пріобрѣтаетъ сочувствіе массъ.

Наконецъ, по вопросу о государственномъ устройствѣ, либеральный интеллигентъ, хотя не имѣетъ очень рѣзкихъ и опредѣленныхъ мнѣній, но при случаѣ, когда это для него политически удобно, онъ способенъ идти довольно далеко. Всего выгоднѣе для него была бы конституція, основанная на образовательномъ цензѣ, т. е. такая, при которой право выбора представителей въ парламентъ и въ мѣстныя управленія принадлежитъ только гражданамъ, имѣющимъ свидѣтельство объ извѣстномъ уровнѣ образованія; онъ могъ бы также примириться съ конституціей, въ которой избирательное право давалось бы только при извѣстной, не особенно высокой, величинѣ личнаго дохода, — вѣдь, у него обыкновенно имѣется поря-

дочный доходъ отъ своей профессіи; но и вполнѣ демократическая конституція, основанная на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, была бы также для него довольно подходящей, потому что онъ, какъ очень развитой и образованный человѣкъ, и при такомъ порядкѣ очень легко попадалъ бы и въ народные представители и на различныя должности.

Такимъ образомъ, въ этомъ пунктѣ программа либерала-интеллигента можетъ быть такой или иной, смотря по политическимъ условіямъ. Либеральная интеллигенція, взятая въ отдѣльности, почти никогда особенной силы не представляетъ; сдѣлать что-нибудь для нея возможно только въ союзѣ съ другими партіями; и вотъ, если для нея выгоднѣе союзъ съ умѣренными, ея программа становится болѣе умѣренной, если нужно соединиться съ болѣе крайними партіями — программа оказывается болѣе прогрессивной. Это нетрудно видѣть, напримѣръ, на исторіи нашей заграничной либеральной газеты „Освобожденіе“. Вначалѣ, она была органомъ либераловъ-собственниковъ, съ очень умѣренной и неопредѣленной программой; въ ней трудно было бы найти сколько-нибудь демократизма, а были, главнымъ образомъ, мечты о Земскомъ Соборѣ, составленномъ изъ представителей отъ нынѣшнихъ цензовыхъ земствъ и думъ, который и долженъ былъ сочинить конституцію, — ясное дѣло, тоже цензовую. Однако, около этой газеты сгруппировалось довольно много либеральной интеллигенціи, которая преимущественно и вела газету. Но затѣмъ эта интеллигенція увидала изъ опыта, что либералы-собственники представляютъ довольно слабое и нерѣшительное теченіе, что опереться на нихъ

— мало толку, между тѣмъ какъ революціонныя партіи обнаруживаютъ и силу, и рѣшительность. Тогда либералы-интеллигенты повернули фронтъ: выставили въ томъ же „Освобожденіи“ гораздо болѣе демократическую программу, съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, отвернулись отъ либераловъ-собственниковъ и стали искать союза съ демократіей, причемъ начали гораздо рѣзче нападать на существующіе порядки. По теперешней ихъ программѣ ихъ можно было бы, на первый взглядъ, принять за настоящихъ демократовъ; но это было бы ошибкой. Чѣмъ же они отличаются отъ демократовъ? Это — вопросъ, довольно важный, и на немъ слѣдуетъ немного остановиться.

Основную черту политической демократіи составляетъ стремленіе къ такому государственному устройству, которое было бы цѣликомъ построено на *народной волѣ*. Для демократа идея народнаго правленія есть самая душа его программы, какъ для либерала старыхъ временъ — идея свободы. Демократъ всѣ свои требованія, всю свою программу основываетъ на мысли о томъ, что господство должно принадлежать народной волѣ. Поэтому, главный пунктъ его программы — организація государственнаго и мѣстнаго управленія на всеобщемъ избирательномъ правѣ, прямомъ, тайномъ и равномъ для всѣхъ (многіе демократы стремятся даже дополнить его прямымъ голосованіемъ важныхъ законовъ всѣми гражданами). Къ этому главному пункту демократъ сводитъ и изъ него выводитъ всѣ остальные. Напримѣръ, демократъ требуетъ свободы слова, печати, собраній, союзовъ и т. д. и при этомъ непремѣнно указываетъ на неразрывную связь всѣхъ этихъ свободъ съ народнымъ само-

державіемъ: онѣ являются прочными и надежными только тогда, когда за ними стоитъ народное правленіе, которое одно способно всегда ихъ отстаивать; но, съ другой стороны, и народное правленіе не можетъ, въ дѣйствительности, осуществляться, если свобода гражданъ въ чемъ-нибудь стѣснена. Задача демократа заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы установить, упрочить и развить господство народной воли, распространить его на всѣ области политической жизни, сдѣлать изъ него всѣ выводы и примѣненія, какія изъ него, въ дѣйствительности, вытекаютъ.

Откуда же выходятъ демократы? Они, обыкновенно, — люди народа, т. е. принадлежатъ къ тѣмъ классамъ общества, которые не пользуются никакими привиллегіями и никакими особыми соціальными преимуществами — ни сколько-нибудь значительною собственностью, ни выдающимся общественнымъ положеніемъ. Изъ интеллигенціи сюда идутъ тѣ мелкіе „разночинцы“, которые ведутъ трудовую жизнь, пролетарскую или полу-пролетарскую. Мелкое крестьянство и ремесленники также приходятъ къ демократизму, когда начинаютъ жить сознательной жизнью. Сознательные пролетаріи — также демократы; но они — болѣе, чѣмъ демократы: они — соціалисты, и, именно, поэтому они — самые рѣшительные демократы, потому что знаютъ, что соціализмъ въ силахъ осуществить только воля сознавшаго свои интересы народа. Словомъ, демократами являются защитники интересовъ именно низшихъ классовъ, которые могутъ пріобрѣсти политическую силу только при всеобщемъ политическомъ равенствѣ, для которыхъ это всеобщее равенство служитъ необхо-

димымъ условіемъ настоящей политической жизни.

Теперь вопросъ, такова ли та буржуазная интеллигенція, которая у насъ, напримѣръ, принимаетъ довольно демократическую программу? такъ ли она думаетъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ? Конечно, нѣтъ. Для нея требованіе демократической конституціи, всеобщаго избирательнаго права есть только одинъ изъ пунктовъ программы, такой же, какъ всякіе другіе, — отнюдь не основной, не господствующій надъ всѣми другими. Этотъ пунктъ она сначала, по соображеніямъ политики, не вводитъ въ программу, а потомъ, по новымъ соображеніямъ, вводитъ въ программу; то и другое для нея, въ сущности, — вопросъ обстоятельствъ. И это вполнѣ понятно; для буржуазной интеллигенціи народное правленіе вовсе не есть необходимое жизненное условіе, она и безъ него можетъ достигнуть желательной политической силы и общественнаго вліянія, лишь бы ей самой удалось получить достаточно политическихъ правъ и свободы разитія.

Если либеральная группа „приняла“ въ свою программу требованіе всеобщаго избирательнаго права, то это вовсе не значитъ, что въ ея образѣ мыслей произошла цѣлая революція, это не значитъ, что новый пунктъ выступитъ на первый планъ, что группа будетъ признавать его необходимой опорой для всѣхъ остальныхъ пунктовъ, требованіемъ, недопускающимъ никакой урѣзки; и не слѣдуетъ ожидать, что она употребитъ особенныя усилія на пропаганду этого требованія среди либераловъ, на борьбу съ распространенными въ нихъ средѣ мнѣніями о пользѣ ценза. Группа, которая выполняла бы все это, была бы демократической, а не либеральной; и, конечно, вы не най-

дете всего этого, напримѣръ, въ той же газетѣ „Освобожденіе". Достаточно, если либеральный органъ будетъ, при случаѣ, упоминать объ этомъ „пунктѣ" наряду съ другими, да, при случаѣ, можетъ быть, посвятитъ ему статью — другую. Такъ и должно быть, потому что для либерала, идея народнаго правленія — не столько вошедшее въ плоть и кровь дѣло совѣсти, сколько дѣло „политики"[1]).

Остается еще одна важная черта, общая для различныхъ либераловъ: это болѣе или менѣе враждебное отношеніе къ соціализму. Соціализмъ нападаетъ на самыя основы капиталистическаго строя: частную собственность на средства производства и связанное съ нею классовое господство; но эти основы, во всякомъ случаѣ, дороги всѣмъ либераламъ, не только либераламъ-собственникамъ, о которыхъ уже и говорить нечего, а также и буржуазной интеллигенціи. Не говоря уже о сравнительно хорошемъ матеріальномъ положеніи буржуазной интеллигенціи, надо имѣть въ виду, что вся обстановка ея существованія, условія ея дѣятельности, источники ея средствъ — все это связано съ основами существующаго строя и все это приглаживаетъ ея настроеніе къ этимъ основамъ. Но

---

1) Авторъ совершенно вѣрно характеризуетъ политическую физіономію нашей буржуазной интеллигенціи. Но въ еще большей степени характеристика его примѣнима къ современной „демократіи" на Западѣ. Стремленіе къ обезпеченію господства народной воли въ государствѣ, къ „народному правленію" въ полномъ смыслѣ слова составляло „основную черту политической демократіи" въ прежнія времена, когда пролетаріатъ не игралъ еще на исторической сценѣ самостоятельной политической роли. Въ настоящее время на Западѣ только партія пролетаріата, соціальдемократія, и добивается серьезно „народнаго правленія".
Прим. Ред.

у людей, сроднившихся съ извѣстными отношеніями и чувствующихъ себя посреди нихъ сравнительно недурно, не можетъ явиться сильнаго желанія перевернуть эти отношенія вверхъ дномъ. Поэтому, какъ ни несомнѣнно, что въ соціалистическомъ обществѣ, и только въ немъ, умъ, знанія, таланты будутъ оцѣнены въ полной мѣрѣ и получатъ возможность развернуться во всемъ блескѣ, не стѣсняемые никакими внѣшними препятствіями, для буржуазной интеллигенціи соціализмъ все же остается „скачкомъ въ неизвѣстное“, который, невѣдомо еще, что принесетъ ей, о которомъ можно иногда въ досужую минуту помечтать надъ книгой Беллами, но который не можетъ стать идеаломъ, вошедшимъ въ плоть и кровь. Когда дѣло идетъ о соціализмѣ, либералы часто готовы объединяться съ самыми реакціонными партіями и прибѣгать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Даже теперь не только умѣренные, но и передовые либералы на Западѣ, когда не могутъ провести своихъ кандидатовъ въ парламентъ, отдаютъ, по большей части, свои голоса консерваторамъ и клерикаламъ, противъ соціалистовъ; а въ прошломъ бывало и еще хуже, напримѣръ, во время упомянутаго нами жестокаго усмиренія парижскихъ рабочихъ въ 48 году, буржуазная интеллигенція, вплоть до радикальныхъ студентовъ политехнической школы, дралась противъ рабочихъ; и такъ же было во время подавленія парижской коммуны въ 71 г. Какъ прежде, такъ и теперь, либералы остаются *буржуазной* партіей, — въ этомъ ихъ различныя программы безусловно сходятся.

Что касается до способовъ политической борьбы, то общую черту современнаго либерализма пред-

ставляетъ усиленное стремленіе къ *легальности*. Конечно, и демократъ, и соціалистъ предпочитаютъ бороться за свои идеи легальными путями; но для нихъ это только вопросъ удобства и цѣлесообразности; они спрашиваютъ, какими пріемами можно больше сдѣлать, легальными или нелегальными, и дѣйствуютъ такъ или иначе, смотря по отвѣту, который у нихъ получается. Для либерала это не такъ: для него самое нарушеніе легальности, вообще, есть очень серьезное и важное зло, мучительная вещь, на которую онъ рѣшается только въ крайности, когда и безъ того всякая легальность угрожаетъ рушиться. Дѣло — въ томъ, что онъ — представитель классовъ, которые хорошо устроились и имѣютъ много такого, что жаль потерять; а нелегальные пути требуютъ, чтобы все ставилось на карту; и, понятно, что рисковать такимъ образомъ — не по душѣ либералу. Для либераловъ старыхъ временъ тяжесть цѣпей перевѣшивала всякій рискъ, и они были революціонерами; для либераловъ современныхъ тяжесть цѣпей — поменьше, вѣсъ пріобрѣтенныхъ благъ культуры — побольше, и они очень любятъ спеціально указывать, что они — не революціонеры. Это стремленіе къ легальности — одна изъ главныхъ причинъ, почему либералы такъ, сравнительно, безсильны тамъ, гдѣ, какъ у насъ, въ Россіи, они могутъ объединяться только нелегально; и оно же — одна изъ причинъ, почему, во время революціонныхъ столкновеній, имъ легче соединиться съ партіями, болѣе консервативными, партіями „порядка“, чѣмъ съ болѣе прогрессивными, чѣмъ они сами. Отвращеніе къ революціоннымъ способамъ дѣйствія доводило иногда либераловъ до большихъ крайностей; такъ,

напримѣръ, въ Пруссіи, въ 48 году, либеральное министерство, состоявшее изъ либераловъ скорѣе новѣйшаго, чѣмъ стараго типа, едва получило власть въ свои руки, какъ начало съ величайшимъ усердіемъ, не щадя крестьянской крови, подавлять войсками возстанія крестьянъ противъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ; своими усиліями оно очень способствовало поддержанію остатковъ крѣпостного права, которому, разумѣется, нисколько не сочувствовало.

Для либеральныхъ партій Запада, и не только умѣренныхъ, но и болѣе прогрессивныхъ, самый обычный ходъ развитія былъ такой: сначала онѣ довольно рѣшительно выступаютъ за дѣло прогресса противъ консервативныхъ и реакціонныхъ партій; затѣмъ имъ удается пріобрѣсти для себя нѣкоторую свободу и политическое вліяніе, и тогда онѣ начинаютъ очень заботиться о сохраненіи всего этого; и чѣмъ больше пріобрѣтаютъ, тѣмъ больше заботятся; онѣ не прочь пріобрѣтать еще и еще, но только уже непремѣнно такъ, чтобы безъ риска; да и пріобрѣтать то остается все меньше. Сообразно съ этимъ, возрастаетъ страхъ передъ „разрушительными стремленіями" партій революціонныхъ, и этотъ страхъ все болѣе сближаетъ либераловъ съ консерваторами и реакціонерами, и все больше употребляется усилій для борьбы противъ „врага слѣва" — соціалистовъ; но весь этотъ путь проходится зигзагами, съ массой колебаній то въ ту, то въ другую сторону, съ различными расширеніями и суженіями программы въ угоду тѣмъ партіямъ, на которыя либералы хотятъ въ данный моментъ „опереться".

Нѣтъ никакихъ особыхъ основаній думать, чтобы ходъ развитія и политика русскихъ либераловъ

должны были оказаться много лучше, чѣмъ у либераловъ Запада. Скорѣе напротивъ: по политическимъ и соціальнымъ условіямъ, изъ странъ Европы къ Россіи ближе другихъ подходитъ Австрія; и ея либеральныя партіи едва ли не хуже всѣхъ другихъ. И можно не сомнѣваться, что у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, либералы окажутся, по преимуществу, *политической* партіей, съ очень неустойчивой, очень измѣнчивой программой: чуть мѣняются политическія и общественныя условія, мѣняются и либеральныя программы. Ни о какихъ политическихъ партіяхъ не слѣдуетъ судить на основаніи только того, что онѣ говорятъ о себѣ сами; это общее положеніе особенно важно, когда дѣло идетъ о либералахъ; здѣсь надо особенно внимательно смотрѣть не на то, что они высказываютъ, а на то, что они дѣлаютъ; не на то, гдѣ они стоятъ, а на то, куда они идутъ; не на то, каковы ихъ теоріи, а на то, каковы ихъ ближайшіе матеріальные интересы. Это не значитъ, чтобы либералы, вообще, склонны были сознательно обманывать народъ; нѣтъ, если такія вещи и случаются, то онѣ должны быть отнюдь не правиломъ, а только исключеніемъ. Но въ наше время во всѣхъ буржуазныхъ партіяхъ политика болѣе узкихъ, ближайшихъ интересовъ рѣшительно вытѣсняетъ политику „идей“, т. е. политику интересовъ, болѣе широкихъ и отдаленныхъ. Настоящій идеализмъ быстро вымираетъ среди буржуазіи; это очень досадно, когда она могла бы выполнить серьезную прогрессивную роль; но, съ точки зрѣнія высшаго идеала, это и утѣшительно, потому что указываетъ на старость капиталистическаго строя, на приближающуюся неизбѣжность обновленія общества.

Однако, намъ еще пока далеко до этого; рѣчь идетъ пока о ближайшемъ врагѣ — самодержавіи — и о возможныхъ союзникахъ — либералахъ. Либеральной партіи пока еще нѣтъ, а есть довольно широкое либеральное теченіе; черезъ нѣкоторое время партія, вѣроятно, образуется, можетъ быть, даже не одна, а двѣ — болѣе умѣренная и болѣе прогрессивная, партія просвѣщенныхъ собственниковъ и партія буржуазныхъ интеллигентовъ; приближается революціонная буря, и она всколыхнетъ даже наиболѣе нерѣшительныхъ. Раньше и рѣшительнѣе вступаютъ въ борьбу другіе — демократическіе слои общества: пролетаріи, ремесленники городовъ, разночинная мелкая интеллигенція, крестьяне. Всѣ прогрессивныя силы пока еще разрознены, но каждая изъ нихъ стремится къ объединенію; раздаются призывы къ сліянію всѣхъ этихъ силъ въ одну широкую партію, которая сразу покончила бы со старымъ порядкомъ. Какова же могла бы быть программа этой партіи? Стремленія различныхъ оппозиціонныхъ классовъ въ очень многомъ расходятся, общаго только и есть, что желаніе свергнуть самодержавіе и добиться большей свободы: ясно, что программа объединенной партіи могла бы быть только *либеральная*. Желательно ли это?

Уже изъ всего предыдущаго видно, что для пролетарской партіи прямое *сліяніе* съ либералами немыслимо: это значило бы соединиться въ одинъ лагерь со своими прирожденными врагами и подвергнуть пролетаріатъ всѣмъ ужасамъ того „предательства буржуазіи“, которое столько разъ испыталъ на себѣ рабочій классъ Запада, и которое, собственно, даже не есть предательство, а только

политика классовыхъ интересовъ буржуазіи. Но это отнюдь не обозначаетъ, что рабочей партіи, вообще, не слѣдуетъ имѣть никакого дѣла съ либералами. Нѣтъ, *временный союзъ* вполнѣ возможенъ, поскольку есть общіе интересы, и въ *предѣлахъ* этихъ интересовъ.

Однако есть два условія, безъ которыхъ онъ все-таки недопустимъ. Во первыхъ, это долженъ быть формальный союзъ партіи съ партіей, основанный на строгомъ и точномъ договорѣ. Пока нѣтъ либеральной *партіи*, а есть только *теченіе*, союза заключать не съ кѣмъ. Дѣло въ томъ, что партія можетъ принимать на себя формальныя обязательства, а теченіе — не можетъ. Напримѣръ, положимъ, что теперь либеральныя газеты очень хорошо говорятъ о необходимости полной свободы рабочихъ союзовъ и стачекъ; если обстоятельства измѣнятся, онѣ, можетъ быть, такъ же хорошо станутъ говорить въ противоположномъ смыслѣ, и безполезно будетъ; упрекать ихъ за перемѣну убѣжденій, онѣ прекрасно объяснятъ ее „честнымъ исканіемъ истины". Но если либеральная партія договоромъ съ другими партіями обяжется поддерживать борьбу за свободу союзовъ и стачекъ, она должна выполнять свое обязательство; если же она тогда „измѣнитъ" свою программу, то лучшіе элементы ее покинутъ, и общественное презрѣніе сдѣлаетъ ее надолго безсильною; ибо въ товарномъ обществѣ, гдѣ почти всѣ отношенія людей основаны на формальныхъ договорахъ, такой договоръ есть вещь священная.

Другое условіе таково: либералы должны формально принять въ свою программу требованіе демократической конституціи, основанной на всеоб-

щемъ избирательномъ правѣ, прямомъ, тайномъ и равномъ для всѣхъ. Партія, которая не пожелаетъ принять этого основного демократическаго требованія, тѣмъ самымъ прямо заявитъ себя *врагомъ* пролетаріата, какъ партія, не желающая допускать его къ политической жизни. Это — необходимый пунктъ, потому что безъ него даже ничтожная степень свободы не обезпечивается для рабочаго класса. И очень вѣроятно, что либеральная партія согласится принять это условіе, чувствуя себя слишкомъ слабой безъ союза съ демократами и соціалистами.

Таковы тѣ основы, на которыхъ можетъ быть созданъ союзъ между либералами и соціальной демократіей. Но даже заключая такой союзъ, какъ и, вообще, всякіе временные союзы, рабочая партія должна не забывать, что *вполнѣ* разсчитывать она можетъ только на себя, и должна быть всегда ко всему готова. Она — партія пролетаріата, а пролетаріату въ современномъ обществѣ не на кого кромѣ себя положиться, потому что онъ есть единственный классъ, которому терять нечего, кромѣ своихъ цѣпей.

Резолюціи второго съѣзда Р. С.-Д. Р. П. объ отношеніи къ либераламъ:

I

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія — самостоятельная политическая партія пролетаріата, — исходя изъ того положенія своей программы, которое гласитъ, что Партія „поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка“, не отказывается вступать и, если къ тому представится надобность, вступитъ при посредствѣ своихъ центральныхъ учрежденій во временныя соглашенія съ либеральными или либерально-демократическими теченіями, при томъ однако условіи, а) что эти теченія ясно и недвусмысленно заявятъ, что въ своей борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ они становятся рѣшительно на сторону россійской соціальдемократіи; б) что они не выставятъ въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и демократіи вообще или затемняющихъ ихъ сознаніе и в) что своимъ лозунгомъ борьбы они сдѣлаютъ всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право.

II

Принимая въ соображеніе: а) что соціальдемократія должна поддерживать буржуазію, поскольку

она является революціонной или только оппозиціонной въ своей борьбѣ съ царизмомъ; б) что поэтому соціальдемократія должна привѣтствовать пробужденіе политическаго сознанія русской буржуазіи; но что, съ другой стороны, она обязана разоблачать передъ пролетаріатомъ ограниченность и недостаточность освободительнаго движенія буржуазіи всюду, гдѣ бы ни проявились эта ограниченность и недостаточность; — второй очередной съѣздъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи настоятельно рекомендуетъ всѣмъ товарищамъ обращать въ своей пропагандѣ вниманіе рабочихъ на антиреволюціонный и противо-пролетарскій характеръ того направленія, которое выразилось въ органѣ г. П. Струве.

Prix 40 cent.

